

Литературная газета, 1980, 30 апреля

СТРАНИЦЫ ВОСПОМИНАНИЙ

Вадим КОЖЕВНИКОВ

...В первых военных номерах «Красной звезды» на второй полосе была открыта рубрика «Герои Отечественной войны». И вот в один из дней лета сорок первого года в нашу редакцию с Западного фронта поступил очерк Вадима Кожевникова, служившего корреспондентом фронтовой газеты и нашим спецкором. Назывался очерк необычно — «Павел Филиппович Трошкин» и был посвящен фронтовому санитару. Написан был очерк взволнованно, с глубоким уважением к человеку, который хотя и не стрелял сам, не ходил в атаку, но был таким же бесстрашным бойцом переднего края, как и стрелки, пулеметчики, артиллеристы... Он всегда жил так же, как его друзья, под вражеским огнем, и спасал раненых — это был воин великого и безмолвного мужества. Но почему Кожевников выбрал в герои одного из первых своих фронтовых очерков именно санитаря?

Много лет спустя он так ответил мне на этот вопрос:

— Человек идет в бой. Он

зывают «Пролетаркой», в дивизию, где он уже прошел свои первые «солдатские университеты», удивляясь, как он выбрался целым из всех передовых. Забрался он в передовую роту. Залег с солдатами на травке поговорить. Только, было, разговорились — приказ о наступлении.

— И я, конечно, потопал за ними, — вспоминает былой спецкор. — А тут ко мне командир роты: мол-де, так и так, раз идете с нами — получите винтовку и пачку патронов.

Идут бойцы все быстрее и быстрее, бегут, атакуют немцев, а они давай нас обстреливать из минометов. Разрыв. Что-то ударило в мою винтовку, выбило ее из рук. Гляжу: полы шинели — в ключья... Оглушило меня. Повели под руки. Осмотрели — ни одной царапины...

В таком виде спецкор Кожевников снова прибыл в редакцию, а редактор возьми и поведи его в Военный совет.

куда прибывает Жуков, обычно что-то должно произойти...

Жуков улыбнулся, не найдя, видимо, сразу, что возразить спецкору «Правды».

...Встречался Кожевников не раз и с другими полководцами — маршалами Рокоссовским, Баграмяном, Рыбалко, Захаровым... Но все не рисковал писать о них.

— Конечно, я относился к ним с глубоким уважением, — говорил мне писатель. — Считал бы за честь написать о них. Но для этого надо было знать обстановку, владеть хотя бы азами оперативного искусства — одним словом, пожить, побыть в нелегком положении полководца, облеченного высшей военной властью человека, который разрабатывает и осуществляет операцию... Для этого, конечно, нужны большой опыт и большая зрелость. Одним словом, надо пожить в их шкуре. О солдатской жизни я писал как бы изнутри, а со стороны я писать не мог, не получилось бы...

...Много за войну было напечатано очерков, рассказов, новелл, корреспонденций Вадима Кожевникова. Но, пожалуй, самым значительным из всего написанного за войну стал его рассказ «Март — апрель». Его напечатали в сентябре 1942 года и вскоре сразу же выпустили отдельной книжкой три издательства — «Правда», «Советский писатель» и Воениздат. Читатели тепло встретили эту книжку. Писателя пригласили в Кремль, и здесь он тоже услышал похвальные слова в адрес своего произведения.